

Опасность может помочь приблизиться к Богу

Протоиерей Андрей Туляков считает:
«Если уйдем с Кавказа, Косово покажется детской игрой»

Протоиерей Андрей Туляков, настоятель вологодского храма во имя святого благоверного князя Александра Невского, вернулся из пастырской командировки на Кавказ.

Отец Андрей - председатель отдела Вологодской епархии по взаимодействию с Вооруженными Силами, правоохранительными органами и казачеством. Батюшка ездил на Кавказ с полицейскими, которым предстоит полгода нести службу в далеко не легких условиях, и в течение недели общался с нашими ребятами в Чечне, Дагестане и Кабардино-Балкарии.

- Отец Андрей, это была первая Ваша поездка на Кавказ?

- Нет, это уже четвертое пастырское путешествие за последние два года. А вообще священнослужители Александро-Невского храма Вологды постоянно ездят на Кавказ с начала 2000-х годов. Я же просто продолжаю когда-то начатое благое дело.

- Не боялись ехать?

- Скорее, тревожился: всегда очень переживаешь за благополучное служение, за то, чтобы найти нужное слово спрашивающих тебя о чем-то важном для них воинов. И, конечно, надеешься на Бога. Страх нет: во-первых, сейчас Кавказ все-таки спокойнее, чем два-три года назад. Во-вторых, бойся – не бойся, а службу свою священник нести должен, как и наши военные и полицейские. Ну, а в-третьих, если на Бога надеешься, то страх отступает, миллионы раз проверено. Так что главное – это та же самая тревога, которую испытывал и при рукоположении: служить достойно.

- Вы сказали о достоинстве служения. А в чем оно состоит, это пастырское служение? В чем его особенности на Кавказе?

- Я убежден, что преподавать благословение людям, нашим воинам, несущим труднейшее и благородное служение

В Кабардино-Балкарии, в Нальчике – находится отряд вологодского СОБРа; потом в Дагестане, в Хасавюрте – сводный отряд наших полицейских; затем в Чечне, в селении Шалажи – наш ОМОН

на благо Отечества, - это и естественно, и необходимо. Как для Церкви Христовой, так и для самих воинов, так и для их близких и родных, оставшихся дома. А следовательно, и для всех нас.

Мы же говорим «наша армия», «наша страна», «наша Россия»? Если не говорим, то – беда: и России, и нам. Но большинство-то наших сограждан, я знаю, все-таки говорят. А за словами должны стоять дела. Вот такими словами и делами мы и становимся соотечественниками. Без этого – мы «сопаспортники» какие-то. Так что в пастырское служение на Кавказе, я думаю, входит еще и усиленное патриотическое воспитание. Оно везде кровно необходимо, просто там его необходимость осязаема, воочию видна его востребованность в нашем обществе. Ну, понимаете, там никогда не услышишь преступно-брезгливое «эта страна» - там люди понимают, что такое Россия. А зачастую и гибнут за Отечество.

- Как ведут себя местные жители по отношению к русским? Как там вообще жизнь?

- Давайте не будем забывать, что совсем недавно русские тоже были местными жителями на Кавказе. А если брать чисто внешние впечатления, то

я был удивлен прекрасными дорогами, построенными в Чечне, большими, просторными домами, чистотой и богатством – особенно в Грозном, Гудермесе, Шали. В Кабардино-Балкарии удивило огромное количество авто-салонов «Мерседес», «Крайслер» и т.п. «Автоваза», кстати, я там не увидел. Такая картина на фоне официальных статистических данных о самом высоком по стране уровне безработицы идет вразрез с представлениями о безработных как о нищих, оборванных, голодных людях. А заодно заставляет задуматься о происхождении тех денег, на которые покупаются все эти «мерседесы» и «крайслеры». Но это так, к слову.

В Грозном, неподалеку от мечети «Сердце Чечни», находится маленький православный храм в честь Архистратига Михаила. Молодой настоятель церкви, отец Алексей, рассказал мне, что в городе сохранилась маленькая русская община, что храму помогает руководитель Чечни Рамзан Кадыров, что есть небольшая приходский дом.

Сохранилась православная церковь и в Хасавюрте. Там православная община побольше, чем в Грозном. Действует кладбище: одна часть мусульманская, другая – христианская. Кстати, кладбище прекрасно ухожено, никакого вандализма там нет. Знаю, что в Косово, в Митровице, есть мусульманское кладбище в сербской части и христианское в албанской. И если мусульманское кладбище на православной стороне в целостности и сохранности, то сербское на

БАТЮШКА ЕЗДИЛ НА КАВКАЗ С ПОЛИЦЕЙСКИМИ, КОТОРЫМ ПРЕДСТОИТ ПОЛГОДА НЕСТИ СЛУЖБУ В ДАЛЕКО НЕ ЛЕГКИХ УСЛОВИЯХ, И В ТЕЧЕНИЕ НЕДЕЛИ ОБЩАЛСЯ С НАШИМИ РЕБЯТАМИ В ЧЕЧНЕ, ДАГЕСТАНЕ И КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

албанской – осквернено и разрушено вместе с церковью. Такого, слава Богу, на Кавказе нет.

Да и большинство кавказцев относятся к русским с уважением и любовью. Вот, например, наши ребята рассказывают, что в разговорах с ними часто звучат просьбы, чтобы русские полицейские оставались здесь – мол, на своих-то молодых надежды мало в смысле порядка и законности.

- А это не лесть? Искренние слова, как Вы думаете?

- Думаю, что искренние. Кавказцам войны не нужны – они же сами от них и страдают. Ведь враждебные настроения разжигаются на Кавказе и управляются извне. Из-за границы идет и финансирование банд. В этих бандах – представители решительно всех национальностей. А свои преступления они научились прикрывать «борьбой за чистоту ислама». Религиозную карту разыгрывают, вербуя местную молодежь в банды. Впрочем, это только такое «благопристойненькое» прикрытие, что ли: на самом-то деле гораздо чаще используются прямые угрозы («не пойдешь в горы с нами – убьем семью»), шантаж, использование плохого материального положения семьи, муж-

Если мы уйдем с Кавказа, то Косово нам покажется детской игрой: будет в разы страшнее. И заборы, о которых так любят говорить их сторонники, нам придется отодвигать всё дальше вглубь России – до тех пор, пока они не окружают отведенное нам «русское православное гетто

ского тщеславия («какой же ты мужик, если без автомата ходишь»), многие виды психологической обработки. Так что местное кавказское население, особенно молодое, - это просто разменная карта для больших и очень грязных как геополитических, так и экономических игр.

- Часто слышны мнения: что Россия вообще делает на Кавказе – построить бы нам большую стену вокруг гор, и всё будет хорошо...

- Не будет всё хорошо. Наоборот – будет еще хуже. Если мы уйдем с Кавказа, то Косово нам покажется детской игрой: будет в разы страшнее. И заборы, о которых так любят говорить их сторонники, нам придется отодвигать всё дальше вглубь России – до тех пор, пока они не окружают отведенное нам «русское православное гетто». Впрочем, я вообще сомневаюсь, что даже гетто православным будет отведено – речь идет об уничтожении христианства и России под корень. Подумайте: сколько русских из-за войн на Кавказе в последнее время стали беженцами! Об этом не любит говорить официальная статистика, но беженцев от этого меньше не становится. Уйдем оттуда – банды двинутся дальше. Потеряем и Ставрополье, и Волгоград, и так далее.

Не надо думать, что враги России – это страшилка неуверенных в себе ура-патриотов; есть у нас враги, настойчиво преследующие свои цели. Мы пока, слава Богу, боремся. Перестанем

бороться – нас просто сомнут, сотрут в порошок. Думаю, все наши воины это хорошо понимают.

- А как относятся к появлению священника солдаты и полицейские?

- О! Очень доброжелательно! Зачастую в сложной обстановке, лишенный привычного спокойствия и комфорта, человек начинает вспоминать о Боге, Церкви. Когда не знаешь, что тебе готовит не только день грядущий, а следующая секунда, то начинаешь убеждаться в необходимости установлений доверительных и добрых взаимоотношений с Христом. Так что для очень многих из наших солдат и полицейских такие командировки – повод для размышлений о Боге и вечности. Для многих – и повод для очень серьезных размышлений и поступков. Так что нет худа без добра: даже опасность можно использовать как возможность приблизиться к Богу. Если уж в мирное время у нас это плохо получается... Хотя, лучше бы получалось, – глядишь, и надобность в опасностях бы отпала.

Вместе с вологодскими ребятами в Хасавюрте были полицейские из Магадана, в Шалажи – из Ростова и Саратова. Видят, что к вологодским священник приехал, – идут все: «Батюшка, благословите, мы – на молебен». Всем радость – и священнику, и наши ребята тоже себя хозяевами чувствуют: все-таки «ихний» батюшка-то приехал.

Думаю, давно уже прошло время дикарства, когда от священника бегали с полными ужаса глазами люди, накушавшиеся антирелигиозной пропаганды. Сейчас ребята, а уж тем более в таких условиях, знают, для чего приходит священник. Нужно еще раз отметить, что служба в армии или в полиции в таких условиях – это хороший повод для качественного повышения духовной грамотности человека. Такие условия способствуют тому, что человек начинает интересоваться вещами гораздо более важными, чем то, какой рукой надо ставить свечку или из какого металла купить крестик. То есть люди задумываются над более серьезными, настоящими вопросами духовной жизни.

- Еще собираетесь ехать на Кавказ?

- У священника принцип воинский: надо ехать – поеду. Даст Бог, получится.

Беседовал Петр Давыдов

